

© 1993 г., ЭО, № 6

С. И. Вайнштейн. Мир кочевников центра Азии. М., 1991, 222 с.

Рецензируемый труд — четвертая фундаментальная монография С. И. Вайнштейна из цикла его работ по исторической этнографии тувинского народа¹. Она посвящена традиционной материальной и духовной культуре тувинцев-кочевников, то есть культуре, в значительной мере утраченной в живом быту народа еще в 1950-е годы, когда в Туве завершились «социалистические преобразования» — переход на оседлость и коллективизация аратских хозяйств.

Всестороннему изучению этой культуры автор рецензируемой книги уделил свыше сорока лет. Он провел экспедиции во всех районах Тувы, в том числе в самых отдаленных и труднодоступных. Более того, чтобы иметь возможность как можно ближе познакомиться с тувинским бытом С. И. Вайнштейн около десяти лет постоянно жил и работал в Туве. Но рецензируемая книга, как и весь цикл его монографий, является не только первым детальным описанием традиционной взаимосвязанной культуры всех частей тувинского этноса, включающего горно-степных скотоводов (западные тувинцы) и охотников-оленьеводов горной тайги (восточные тувинцы). Предмет исследований автора — также основные проблемы генезиса тувинской культуры, начиная с древнейших ее элементов — реконструируемых С. И. Вайнштейном архетипов. С этой целью он успешно использует в значительной мере усовершенствованный им применительно к исследованию генезиса народной культуры сравнительно-исторических метод, важной составной частью которого является выявление в ней историко-генетических слоев. Для решения этой чрезвычайно сложной проблемы, к которой, увы, крайне редко обращаются этнологи, необходимы не только этнографические, но и археологические источники, а их было крайне мало в начале 1950-х годов, когда автор монографии начал свои исследования. Это побудило С. И. Вайнштейна, как он пишет в предисловии к своей книге, наряду с этнографическими вести и полевые археологические исследования, которые охватили огромный хронологический период от палеолита до позднего средневековья. Планомерно проводившиеся археологические экспедиции позволили С. И. Вайнштейну сделать в этой области ряд важнейших открытий, использованных в его культурногенетических исследованиях, в частности в данной монографии.

Обращаясь к рецензируемой книге, следует сказать о ее строгом композиционном построении, главная цель которого — целостное восприятие детальнейшего описания особенностей тувинской культуры и ее функционирования, — с одной стороны, и проблем ее генезиса, — с другой, о научном богатстве иллюстративного материала, большая часть которого выполнена самим автором.

Открывает книгу глава о жилище. В ней выделены и подробно описаны все типы жилищ тувинцев, как степных кочевников, так и охотников-оленьеводов (временные укрытия и чумы, каркасные и срубные постройки, юрты), причем некоторые типы выделены и описаны здесь впервые. Большое внимание уделено вопросам генезиса жилищ, особенно полно исследован генезис юрты не только у тувинцев, но и у кочевников Евразии. Реконструированы ее архетипы у скифов, тунов, средневековых кочевников, убедительно обосновано ее появление в древнетюркскую эпоху, показана ее эволюция у монголов Чингисхана и в последующие эпохи. Привлечен огромный сравнительный материал, включая петроглифы, персидские и тувинские миниатюры, а также погребальные статуэтки из музеев Японии и Китая.

В разделе, посвященном традиционной утвари, автор справедливо отмечает, что, к сожалению, этот важный историко-этнографический источник в своих трудах этнографы, в отличие от археологов, используют крайне редко. К примеру — в известном «Историко-этнографическом атласе Сибири» (М.— Л., 1961) утварь вообще не упоминается. На материале утвари автор дополнительно обосновал сделанный им важный вывод о существовании в культуре тувинцев трех устойчивых комплексов — западнотувинского скотоводческого, восточнотувинского охотничье-оленьеводческого и восточнотувинского охотничье-скотоводческого, а также выделил в них историко-генетические слои, наиболее древний из которых восходит к скифскому времени. И здесь, как и в других главах, читатель знакомится с интересными этнографическими открытиями, так например, автор обнаружил бытование у тувинцев еще в XIX в. сосудов типа якутских чоронов, не сохранившихся в тувинском быту и неизвестных ни в литературе, ни в музейных собраниях, но исключительно важных как источник для изучения этнокультурных процессов в Южной Сибири.

Рассматривая традиции питания, автор удачно вводит понятия пищевых комплексов и пищевых циклов у кочевников. Среди многих любопытных сюжетов отмечу вопрос о загадочном кумысе под названием *каракосмос*. Еще в середине 1920-х годов этнограф Ф. Фиельструп высказал сомнение в связи с описанием Рубруком этого напитка у хана Батыя, которого Рубрук посетил на Волге в 1253 г. Но Фиельструпу осталось неизвестным, что этим же напитком — *черным кумысом* — Батый угощал русского князя Даниила Галицкого в своей ставке, причем лишь на три года раньше — в 1250 г. Исследования лингвистов показали, что «черный кумыс» означает «крепкий». Приведа эти сведения, С. И. Вайнштейн отмечает сохранение отдаленных традиций приготовления крепкого кумыса

и у тувинцев. Автор уделяет много внимания изменению традиций питания у кочевников, в частности, замене аракой (молочной водкой) кумыса как почетного напитка и причины этого.

Очень детально и полно исследована одежда. Проведена ее классификация и сравнительно-исторический анализ. Здесь читателя также ждут интересные открытия и новые, подчас неожиданные, наблюдения. Так, автором выявлен у восточных тувинцев неизвестный у них ранее тип одежды, так называемый *енисейский* тип, который не был описан ранее ни у одного из народов Южной Сибири. Между тем это наиболее древний тип одежды у народов Сибири, известный лишь значительно севернее. Не менее любопытно и то, что путем сравнительного анализа одежды тувинцев и древних кочевников, автору удалось, наконец, ответить на вопрос о назначении широко известного, но загадочного «кафтана» из раскопанного С. И. Руденко аристократического захоронения в Третьем Пазырыкском кургане на Алтае, относящемся к скифскому времени. Он оказался ... дождевиком пастуха-скотовода. С большим интересом читается раздел об одежде древних тюрков и связанных с этим спорных вопросах, в который вошли материалы, разработанные автором вместе с М. В. Крюковым еще четверть века назад² и полностью подтвержденные последующими исследованиями (есть в книге и уникальная реконструкция облика древних тюрков, выполненная М. Герасимовым по черепу из раскопанного С. И. Вайнштейном кургана).

Об успешности применяемого С. И. Вайнштейном метода сравнительно-исторического исследования процессов культурогенеза свидетельствует и такой факт. Еще в 1966 году С. И. Вайнштейн на страницах журнала «Советская этнография»³ выдвинул гипотезу, что, вопреки сложившемуся мнению, ни жесткого конского седла, ни стремян — столь важных атрибутов всадника — не знали ни скифы, ни гунны, что стременам до их появления должна была предшествовать односторонняя стемевидная подножка, крепившаяся с левой стороны и служившая лишь для облегчения подъема всадника в седло. Это вызвало резкие возражения со стороны некоторых археологов. Однако вывод С. И. Вайнштейна нашел блестящее подтверждение спустя семь лет во время раскопок в провинции Хэнань (КНР), когда было найдено прекрасно сохранившееся седло IV в. н. э., притом лишь с одним левосторонним стременем-подножкой. Об этом уже писали в 1984 г. С. И. Вайнштейн и М. В. Крюков в связи с проблемой происхождения седла и стремени⁴. Теперь более полную и развернутую аргументацию по этой проблеме читатель найдет в главе рецензируемой монографии, посвященной конской упряжи.

В книге рассматриваются добуддийские верования тувинцев, главным образом шаманство. Известно, что перу С. И. Вайнштейна принадлежит первая сводная характеристика тувинского шаманства, опубликованная еще в 1964 г.⁵ В монографии мы знакомимся с более полным углубленным его исследованием, включая проблему генезиса шаманства. Не могу не согласиться с выводом автора о сравнительно низком уровне развития шаманства у древних тюрков, что подтверждается и моими исследованиями этого вопроса; о значительной роли в сибирском шаманстве местных дотюркских компонентов. Чрезвычайно любопытно выявленные автором параллели облика восточнотувинских шаманов и изображения шамана на опубликованном А. Н. Окладниковым неолитическом петроглифе из Прибайкалья, подтверждающие дотюркскую древность истоков тувинского шаманства. Не могу не отметить в основном впервые публикуемые прекрасные иллюстрации шаманских принадлежностей, так, лишь различные типы головных уборов тувинских шаманов здесь не только описаны, но и показаны на 20 чернобелых и цветных рисунках, а ведь они давно исчезли из живого быта, в музейных же собраниях представлены лишь двумя-тремя формами.

Особого внимания заслуживает заключительная седьмая глава монографии, посвященная генезису существовавших в Туве хозяйственно-культурных типов (ХКТ). Анализируя проблему генезиса степного номадизма, автор продолжает отстаивать выдвинутую им гипотезу его происхождения, существенно отличающую от общепринятой. Суть ее в том, что одним из наиболее вероятных путей происхождения пастушеского номадизма был переход к кочевому скотоводству пеших бродячих охотников, воспринявших домашних животных, прежде всего транспортных, у соседей, domesticiровавших животных ранее. Это позволило традиционно подвижным племенам быстро продвигаться из лесов и лесостепей в степи и пустыни, переходя к кочевым формам скотоводческого хозяйства, что, предопределило, в частности, крупнейшие миграции народов Евразии. Следует отметить, что гипотеза С. И. Вайнштейна, после ее первой публикации не поддержанная исследователями номадизма, теперь получает все больше последователей. Так, Д. Е. Еремеев пришел к заключению, что исследованные им лингвистические материалы говорят «о правильности гипотезы С. И. Вайнштейна, который считает, что переход к кочевому скотоводству, во всяком случае на Востоке Евразии, произошел в охотничьих племенах, познакомившихся со скотоводством через пришельцев... Иными словами, иранцы-саки знакомят с этим типом хозяйства тюрков, те — монголов, а монголы — тунгусов и маньчжур». Важное значение имеет вывод С. И. Вайнштейна о существенных различиях в закономерностях этнокультурных процессов на раннем и позднем этапах развития ХКТ кочевых скотоводов степной зоны Евразии.

Разумеется, не все разделы книги написаны с одинаковой полнотой, не все выводы в ней бесспорны, но заключая рецензию, не могу не отметить, что циклом своих монографий С. И. Вайнштейн сделал большой и специфический вклад в изучение народов Сибири, и не только Сибири, но и сопредельных с ней территорий. По энциклопедической широте разработки казалось бы ограниченной темы — исторической этнографии сравнительно немногочисленного народа — исследований, равных циклу трудов С. И. Вайнштейна, в нашей этнологической литературе нет.

Д. Д. Васильев

Примечания

¹ Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки. М. 1961; *его же*. Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. М. 1972 (переведена на английский язык и опубликована Издательством Кембриджского университета: Vainshtein S. Nomads of South Siberia: the Pastoral Economies of Tuva. Cambridge; London; New York; Melbourne, 1980. *его же*. История народного искусства Тувы. М. 1974.

² Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Об облике древних тюрков // Тюркологический сборник. М. 1966.

³ Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры // Сов. этнография. 1966, № 3.

⁴ Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Седло и стремя // Сов. этнография. 1984, № 6.

⁵ Вайнштейн С. И. Тувинское шаманство. М. 1964.

⁶ Еремеев Д. Е. «Тюрк» — этноним иранского происхождения? К проблеме этногенеза древних тюрков // Сов. этнография, 1990, № 3.

© 1993 г., ЭО, № 6

Две книги по этнографии народов Сибири:

1. Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск, 1986. 2. Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск, 1990

Большинство этнографических, музееведческих исследований как обобщающего характера, так и посвященных частным научным проблемам, содержит справедливое утверждение о том, что каталогизация коллекций является важнейшим направлением работы отечественных музеев. В то же время, как правило, именно эта сфера музейной деятельности на практике либо не развивается совсем, либо ограничивается выпуском отдельных каталогов-указателей и тематических каталожных изданий, не дающих полного представления о богатстве и разнообразии музейного фонда. Исключение в этом плане в определенной степени составляют разработки каталогов, предпринятые в Музее антропологии и этнографии РАН («Кунсткамера»), Российском этнографическом музее (ГМЭ народов СССР).

Многочисленные сложности в работе этнографов-исследователей, музейных специалистов при подготовке экспозиций и выставок во многом объясняются наличием объективных трудностей: неразработанностью теоретических проблем классификации компонентов этнической культуры, отсутствием квалифицированных этнографов в местных музеях, а также ужесточившимися в последнее время финансовыми ограничениями музеев.

В отличие от большинства региональных музеев России коллекции Омского государственного объединенного исторического и литературного музея (ОГОИЛМ) планомерно вводились в научный оборот. Эта работа осуществлялась начиная с 1975 г. группой этнографов под руководством Н. А. Томилова. Причем сам тип издания, характер распределения и изложения материала естественно предполагает продолжительную подготовительную работу по атрибутике, описанию и классификации этнографических предметов.

Деятельность музея в целом и конечно сбор коллекций ОГОИЛМ были тесно связаны с работой Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Их история анализируется в специальной статье И. В. Захаровой, а также во вводных очерках, открывающих выпуски каталога. Так, авторы справедливо прослеживают исторический аспект паспортизации музейного фонда, несомненно необходимый и дополняющий иные характеристики собрания Омского музея.

При составлении каталога этнографических коллекций обязательным, естественно, является указание и этнической, и тематической хозяйственно-культурной принадлежности того или иного предмета. Но в качестве основного классификационного принципа может быть избрано объединение материала по структурным блокам в соответствии с различными сферами хозяйственной и бытовой культуры. Тематическая группировка вещей сопровождается этнолингвистической и географической информацией. Таким образом подан материал, например, в «Каталоге коллекций отдела Европы в МАЭ» (Сб. МАЭ. Т. XXXVIII. Л., 1982. С. 151—206).

При классификации коллекций ОГОИЛМ авторы выбрали иную собственно этнографическую структуру каталога. В качестве первичного избрано деление предметов в соответствии с их регионально-этнической принадлежностью, а в границах раздела, посвященного тому или иному народу, соблюдается деление на составляющие элементы хозяйственно-культурной системы этноса. Наличие предметного указателя облегчает получение в каталоге информации, отражающей не только культуру определенного народа, но и сведений по единой теме, относящихся к различным этническим культурам.

Описание предмета в каждой рубрике содержит данные о материале, способе изготовления, форме, конструкции и размерах вещи. Указывается место сбора. Национальное название предмета, по мнению составителей каталога, целесообразно приводить только в том случае, если оно имеется в пер-